

4. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н.В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.В. Суперанская. – М. : Наука, 1988. – 192 с.
5. Прадід Ю. Ф. Фразеологічна ідеографія / Ю. Ф. Прадід. – К., Сімферополь, 1997. – 252 с.
6. Суперанская А. В. Товарные знаки и знаки обслуживания // В пространстве филологии / Дон НУ. Филологический факультет. – Донецк : ООО «Юго-Восток, Лтд», 2002. – С. 55-71.
7. Яковлева О. Е. Прагматонимы в системе собственных имен: семантика, функции, национально-культурная специфика // Сибирский филологический журнал. 2005. № 1–2. Научное издание. – Новосибирск : НГУ, 2005. – С. 59 – 74.

Сунь Юймінь. Ідеографічна група “ЧАС” як дериваційна база прагматонімів.

Статтю присвячено системному та лінгвокогнітивному аналізу прагматонімів Криму, які створені шляхом онімізації від лексем, що входять до ідеографічної групи ЧАС.

Ключові слова: прагматонім, онімізація, ідеографічна класифікація, ідеографічна група ЧАС, номінація.

Sun Yumin. Ideographical group TIME as the word-formation base of pragmatonimis.

The article is devoted for the system and cognitive linguistics analysis of Crimea pragmatonims, which are formed by onymisation from the lexemes, included to the ideographical group TIME.

Keywords: pragmatonim, onomisation, ideographical classification, ideographical group TIME, nomination.

Титаренко Е. Я.

**Таврический национальный университет
имени В. И. Вернадского (Украина)**

О ТИПАХ ВНУТРИГЛАГОЛЬНОЙ ДЕРИВАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы разграничения двух типов внутриглагольной деривации – мутации и модификации.

Ключевые слова: глагол, деривация, мутация, модификация.

Как известно, во всех славянских языках глагольная суффиксация и префиксация имеет грамматические последствия – изменение вида глагола (имперфективацию и перфективацию), поэтому, как отмечает Е. В. Петрухина, внутриглагольная деривация в славистике традиционно изучается и описывается с двух точек зрения: грамматико-аспектуальной (способы глагольного действия) и словообразовательной [2, с. 107].

Цель статьи – описать, сравнить и уточнить критерии разграничения типов внутриглагольной деривации.

Среди многочисленных фактов лексической деривации выделяют два типа: **модификационную** деривацию и **мутационную** деривацию. При модификации производное слово лишь получает некоторое дополнительное значение по сравнению с производящим (*петь* – *запеть* (= *начать петь*) и относится к одной части речи. Мутационная деривация охватывает соотношения, при которых производное отличается от производящего тем, что обозначает совершенно новый феномен внешней действительности, при этом обычно частеречная принадлежность производного и производящего (за исключением имен существительных) различна, например: *плавать* – *пловец*, *выключать* – *выключатель* и т. п. [8, с. 363].

И. Г. Милославский описывает модификационные значения, имеющиеся у русских глаголов, как в связи со словообразовательными средствами, так и в связи с видовой характеристикой. Словообразовательные средства могут модифицировать значения русских глаголов следующим образом: в значении *кратности* действия (однократность, многократность); *результативности*; *направления в пространстве* (приближение,

удаление, движение внутрь, наружу и др.); *временные* (начало, окончание, ограничение); *отношение к другому действию* (повторность и т. п.); *степень интенсивности* действия. Мутационная деривация глаголов представлена образованием отглагольных существительных и прилагательных [8, с. 364-366].

По определению чешского лингвиста М. Докулила, под модификацией понимается производная номинация, при которой к содержанию исходного понятия добавляется дополнительный признак, обогащающий это понятие, тогда как мутация – не уточнение старого понятия, а создание нового на базе первоначального, это номинация нового явления на основе его отношения к исходному (цит. по [2, с. 110]). Детальный обзор и анализ литературы по данному вопросу содержится в [2, с. 108-116; 9, с. 106-110].

В Пражской “Русской грамматике” для разграничения модификации и мутации во внутриглагольной системе деривации используются формулы-толкования, но главным критерием разграничения является соотношение лексико-синтаксической сочетаемости исходного и производного глаголов: в случае модификации она не меняется, в случае мутации – изменяется [6]. Внимательно изучив эти позиции, Е. В. Петрухина задалась вопросом, возможна ли вообще выработка объективных критериев для разграничения разных типов производной отглагольной номинации? И пришла к выводу, что решить поставленную задачу можно на основе сопоставления семантической структуры производящего и производного глаголов в соотношении с денотативной ситуацией [2].

На основе изучения внутриглагольного словообразования и ономаσιологической структуры производного глагола в русском языке Е. В. Петрухина сформулировала свои критерии разграничения мутации и модификации. “Если деривация затрагивает и меняет ядро семантической структуры исходного глагола, то есть результативно-целевую перспективу глагольного действия и его валентности на логическом уровне (...), то в результате словообразовательного процесса возникает номинация нового действия, а сама деривация является мутацией. Если же меняются лишь фазисно-временная, пространственная, количественная, оценочная рамки, актуализация предела действия, то в основе деривации лежит модификация” [2, с. 138]. Так, *перекричать (кого-либо), отсидеть (ногу), прогулять (лекцию)* – это примеры мутации, а *кричать – закричать, покричать, откричать, прокричать, накричаться, докричаться до кого-либо* и т. п. – примеры модификации [2, с. 114]. Как модификацию рассматривает автор и отношения в префиксальных видовых парах типа *варить – сварить (суп), клеить – склеить (коробочку)*, что позволяет отнести эти пары к внутриглагольному словообразованию, и имперфективацию, которая с содержательной точки зрения тоже не выходит за рамки модификации глагольного действия [2, с. 115].

Таким образом, “мутационные дериваты называют последствия базового действия, тогда как выражение достижения собственно результата – чистого результата либо результата в комбинации с пространственными, количественными, обстоятельственными и некоторыми другими значениями – связано со словообразовательными модификациями базовых глаголов” [2, с. 115]. Данные критерии разграничения внутриглагольной модификации и мутации представляются нам +довольно сложными и трудно применимыми на практике, особенно для носителей неславянских языков. Как объяснить учащемуся (особенно иностранцу), почему *кричать на кого-либо – перекричать кого-либо* пример мутации, а *клеветать на кого-либо – оклеветать кого-либо, стучать(ся) кому-либо в дверь – достучаться до кого-либо в дверь* – примеры модификации (результативной и результативно-интенсивной)? Это связано с вопросом разграничения слов и словоформ: являются ли глаголы – члены видовой пары разными словами? И даже если нет, то глаголы способов действия (в дальнейшем – СД) точно являются отдельными словами – дериватами. Получается, что

глаголы СД представляют собой как бы “среднее”, “переходное” звено от чисто видовой парности через модификации лексического значения к абсолютно новым лексическим значениям. И вновь возникает вопрос критериев отделения глаголов СД от глаголов “не СД”. Правда, высказывается и компромиссная позиция, по которой глагол может быть одновременно и видовым коррелятом и способом действия исходного глагола. В результате этого, например, “глагол *понравиться* является одновременно видовым коррелятом к *нравиться* и его начинательным способом действия – в отличие от глагола *полюбить*, который является способом действия, но не видовым коррелятом к *любить*” [1, с. 13]. Эта точка зрения, по нашему мнению, делает картину еще менее ясной, особенно для изучающих русский язык как неродной. Кроме того, мы не можем согласиться с тем, что глаголы типа *прыгнуть* или *укусить* являются не только глаголами однократного СД, но и видовыми коррелятами глаголов *прыгать*, *кусать* [там же].

Итак, Е. В. Петрухина при разграничении модификации и мутации опирается прежде всего на семантическую структуру глагола, однако другие исследователи придерживаются формальных критериев, что представляется нам более убедительным. Так, Е. Н. Ремчукова относит к модификации глаголы способов действий, за которыми “закреплены” наборы аффиксов, выражающих те или иные значения [4, с. 282]. Такой подход по-новому представляет парадигму русского глагола: в центре оказывается видовая пара, затем префиксально-суффиксальные модификации, называемые способами действия, дальше располагаются однокоренные “новые” лексемы (мутации). В рамках глагольной деривации СД принято относить к модификации, а не к мутации, т. к. “такие модификации содержат дополнительную аспектуальную информацию, которая определяет способы представления процесса, а не отражает новые явления действительности” [5, с. 276].

Изменение вида при глагольной деривации, как пишет Е. В. Петрухина, может происходить 1) без изменения лексического значения (образование видовых пар); 2) с изменением лексического значения производящего глагола: а) по модификационному типу (*кричать* → *закричать*, *покричать*; *бежать* → *выбежать*, *подбежать*); б) по мутационному типу (*работать* → *разработать*, *выработать*; *шить* → *вишить*). Как способы глагольного действия рассматриваются только фазисно-временные, результативные и оценочные модификации (в отличие от пространственных) [3, с. 109]. При таком подходе вызывает сомнения необходимость выделения такой специфической категории, как “способы действия”. Об этом говорит и Х. Томмола, который описывает три типа префиксации: 1) Квалифицирующая приставка привносит в значение исходного глагола дополнительный семантический элемент, в результате чего появляется новый глагол с самостоятельным лексическим значением (*думать* → *передумать* / *передумывать*). 2) Модифицирующая приставка лишь модифицирует значение исходного глагола, а основное значение остается прежним (*сидеть* → *посидеть*; *говорить* → *заговорить*; *ужинать* → *отужинать*). 3) Приставка может оставить лексическое значение исходного глагола неизменным (чистовидовая приставка): *делать* → *сделать*; *писать* → *написать* [10].

Признание чистовидовых приставок и, следовательно, признание префиксальных видовых пар, по словам автора, влечет отрицание грамматической (видовой) значимости способов действия. Однако “если СД никак в грамматическом рассмотрении не отличаются от любых группировок в соответствии с акциональным характером глагола, то нет смысла вообще использовать понятия способов действия” [10, с. 225]. Сам Х. Томмола с этим не согласен, он предлагает свою концепцию видовой организации глагольного инвентаря русского языка, но нам этот аргумент кажется вполне

убедительным: мы отрицаем как наличие “чистовидовых” префиксов, так и СД как лексико-грамматической категории. О способах действия следует говорить только как о семантических разрядах.

Трудно не согласиться с С. О. Соколовой, заметившей, что в языкознании путь исследователя, который пытается все “разложить по полочкам”, не оставляя места для промежуточных явлений, бесперспективен. Поэтому если а priori согласиться с существованием переходных явлений, можно попробовать найти место в классификации для каждой языковой единицы [9, с. 109]. Таким образом, различая модификационные и мутационные значения глагольных префиксов по величине семантического расстояния между производным и производящим, наименьшие семантические различия можно обнаружить между членами префиксальных видовых пар, поэтому именно они являются первыми “претендентами” на модификационный характер префиксального значения [9, с. 110]. Воспринимая глаголы в видовых парах как самостоятельные лексемы, мы полностью согласны с этой позицией. Интересно, что в “наивной картине вида” отдельных носителей языка встречается и противоположное мнение: все однокоренные глаголы (глаголы СД, как например, *читать – прочитать, дочитать, перечитать, зачитать, начитать* и т. п.) – это “одно слово”¹, т. е. **формы** исходного глагола.

И. Г. Милославский относит внутриглагольную деривацию к модификации, а образование от глаголов слов других частей речи – к мутации [8, с. 363]. Он отмечает, что значения, передаваемые дериватами, возникающими в результате модификационной деривации, часто могут быть переданы и лексическими средствами (*запеть – начать петь, поплакать – плакать некоторое время; говорить – поговорить – некоторое время говорить* и *пять минут говорить, три часа говорить*). “В связи с этим нередко возникают такие словосочетания, в которых тот или иной семантический компонент с разной или одинаковой степенью абстрактности может быть выражен и словообразовательными и лексическими средствами. Так, например, обстоит дело с семей “однократность” в словосочетании *три раза крикнуть*, где словообразовательное средство – суффикс *-ну-* указывает на однократность, а лексический показатель – на троекратность” [8, с. 368]. В этих случаях словообразовательные средства, как пишет И. Г. Милославский, оказываются для общего значения словосочетания как бы лишними (ср. : *три раза кричать*). Префиксальные видовые дериваты типа *построить, написать, сделать* автор также относит к модификациям и отмечает, что в этих случаях сему “результативность” практически невозможно выразить другими средствами (средствами лексического уровня) [там же]. Позиция И. Г. Милославского в вопросе разграничения модификации и мутации кажется нам наиболее четкой. Она соответствует сущности словообразовательной модификации, заключающейся в добавлении к основному значению мотивирующего слова некоторого дополнительного элемента смысла [7, с. 183], когда мотивирующее и мотивированное слова при модификации всегда принадлежат к одной и той же части речи [7, с. 265].

Выводы. Наиболее четкими критериями разграничения модификации и мутации являются формальные признаки: вся внутриглагольная деривация – это модификация лексического значения исходного глагола, а образование от глаголов слов других частей речи – это мутация.

¹ Данные получены в ходе опроса, проведенного автором с целью выяснения мнения носителей языка о том, являются ли глаголы в видовой паре разными словами или формами одного слова. Это мнение информанта с высшим нефилологическим образованием, жителя Санкт-Петербурга.

Л и т е р а т у р а :

1. Зализняк А. А. Введение в русскую аспектологию / А. А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
2. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками / Е. В. Петрухина. – М. : Изд-во МГУ, 2000. – 256 с.
3. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований) : учебное пособие / Е. В. Петрухина. – М. : МАКС Пресс, 2009. – 208 с.
4. Ремчукова Е. Н. Креативный потенциал русской грамматики : монография / Е. Н. Ремчукова. – М. : Изд-во РУДН, 2005. – 329 с.
5. Ремчукова Е. Н. Способы глагольного действия: лингвистический артефакт или живая реальность? // Функционирование русского и украинского языков в эпоху глобализации. – Ялта : Доля, 2003. – С. 276-277.
6. Русская грамматика – Praha : Academia, 1979. – Т. 1 – 664 с.
7. Русская грамматика – М. : Наука, 1980. – Т. 1. – 783 с.
8. Современный русский язык : учебник: Фонетика. Лексикология. Словообразование. Морфология. Синтаксис – 3-е изд. / под общ. ред. Л. А. Новикова. – СПб. : Изд-во “Лань”, 2001. – 864 с.
9. Соколова С. О. Префіксальний словотвір дієслів у сучасній українській мові / С. О. Соколова. – Київ : Наукова думка, 2003. – 282 с.
10. Томмола Х. Аспектуально значимые способы действия. К реабилитации чистоты пары // Humaniooga: Lingua Russica. Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. XI. Язык в функционально-прагматическом аспекте. – Тарту, 2008. – С. 218-232.

Титаренко О. Я. О типах внутрішньодієслівної деривації.

У статті розглядаються проблеми розмежування двох типів внутрішньодієслівної деривації – мутації і модифікації.

Ключові слова: дієслово, деривація, мутація, модифікація.

Tytarenko O. Ya. About Types of In – Verb Derivation.

In this article is regarded the problems of differentiation of two types of the in-verb derivatiion: mutation and modification.

Keywords: verb, derivation, mutation, modification.

Филатова И. И., Неловкина Е. А.,

Буракова Е. В., Луговскова И. А., Корж Е. Ю.

Луганский государственный медицинский университет (Украина)

**К ВОПРОСУ О СИНОНИМИИ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
В МЕДИЦИНСКОЙ ЛЕКСИКЕ**

Статья посвящена вопросам терминологической синонимии и проблеме функционирования терминов-синонимов в текстах по специальности иностранных студентов-медиков на продвинутом этапе обучения русскому языку как иностранного. Особое внимание уделяется системе подбора лексико-грамматических заданий, направленных на развитие коммуникативных навыков иностранных студентов; обогащение их словарного запаса профессиональной лексикой.

Ключевые слова: терминологическая синонимия, термин-дублет, субституция термина, парадигматический и синтагматический аспекты проблемы.

Изучение медицинских терминов иностранными студентами является важным этапом в формировании коммуникативных навыков на занятиях по русскому языку как иностранному. Медицинская терминология представляет собой обширную и достаточно сложную систему терминов. По данным медицинской энциклопедии эта терминология составляет более 54 000 единиц, в число которых входит большое количество синонимов [2]. В некоторых разделах медицины термины-синонимы составляют 25–40% терминологического фонда.